

Билтон Джон пытался сочинять музыку, но дело шло туго: все мотивы, рождаемые его помутневшим от кокаина мозгом, уже где-то встречались, уже где-то звучали. Ничего нового, ничего такого, чтобы зацепило, не возникало. Настроение клонилось к нулю, снова подкатывала депрессия. Белый порошок щекотнул ноздрю, противно дёрнул голову, вылезла мутная слеза, заставшая музыкальную студию.

Напарник, или, как принято в Европе, – член семьи номер один или два, то ли задержался в постели, то ли наоборот уже уполз за своим любимым пивом, не появлялся; и это обстоятельство тоже добавляло уныния и горечи отчуждённости, как казалось композитору, от всего мира.

И всё же заглянувшее в полуподвальное помещение солнышко через открытое настежь окно под самым потолком, пыталось разбавить тоску-печаль.

* * *

Билтон Джон набросил засаленную жилетку на голое испещрённое татуировками тело, посмотрелся мельком в зеркало у входной двери, распахнул её со страшным скрипом, и вышел на улицу. От яркого солнца, пробившего его жёлтые очки, глаза подслеповато закрылись. Выбилась слеза. Джон снял очки, протёр глаза кулаками, снова водрузил очки на нос, пригладил жидкую бородёнку из нескольких волосин. И только теперь заметил привязанного к столбику калитки крокодила, больше похожего на дракона. Такой вид ему придавали непропорционально мускулистые высокие ноги.

– О, Дракон, ты уже готов везти меня в паб?! – слова прозвучали громко, и глуховатый Дракон приосанился, швырнул сухую листву передними лапами под брюхо. Из ноздрей вырвались клубы горячего пара. На улице было прохладно, как бывает по утрам в листопадную пору.

Билтон уселся на спину Дракона, и тот галопом помчал седока привычным маршрутом. Так же резво Дракон притормозил перед протестантской церковью. То есть это раньше она была церковью, но уже три года, как церковь переоборудовали в пивное заведение. Первый год в пабе по воскресеньям проходили воскресные проповеди, куда по привычке ходили три самые древние старушки городка. Но их души вознеслись к Богу уже более года тому назад, и проповеди прекратились. Ну, и, чтобы не смущать посетителей паба, сняли крест с острого шпиля, возвышавшегося над входными воротами.

Джон поднял глаза к небу и увидел крест, которого ещё вчера не было. Будучи человеком неверующим, то есть атеистом, он удивился, открыл рот и так смотрел ввысь долго, с трудом пытаясь переварить такую вот внезапно возникшую реальность. Почему-то рука помимо его воли осенила грудь и чело крестом, Билтон Джон стащил с лысой головы потрёпанную бейсболку. Джон привязал крокодила верёвкой к столбику. С трудом подалась массивная входная дверь. И внутреннее содержание, а вернее совершенно восстановленное каким-то непонятным образом убранство собора совсем прибило сознание Билтона чуть не к плинтусу.

– Вот это чудеса!!! – Воскликнул он, и только теперь заметил пастора в праздничных одеждах.

– Вы же, сэр, не верите в чудеса, – мягко произнёс святой отец.

– И кто же это сотворил? – уже иронично спросил Билтон.

– Бог.

– Милый мой, господин святой отец, Бога нет.

– Во-первых, из ваших уст слово «милый» здесь в стенах святой обители звучат как-то уж очень неприлично, а во-вторых, Бог всё же есть. И вы можете сейчас в этом убедиться.

– И как же я смогу убедиться в этом?

– Если вы помолитесь пред распятием и попросите его сюда явиться, он – явится.

– В каком же обличье?

– Это уже вы для себя решите, в каком обличье снизойдёт наш Иисус.

– Я хотел бы видеть его в человеческом обличье, чтобы я смог его пощупать, – Джон хихикнул.

– Хорошо, он явится в человеческом обличье. Только вот в отношении пощупать, не выходите, пожалуйста, за пределы приличия. А то я ваши замашки знаю, сэр.

– Но я не умею молиться, я же атеист, я не верю в Бога.

– Можете не повторять эту ересь раз за разом, Бог и так давно знает, что вы, сэр, не верите в него. Подойдите к распятию и своими словами попросите его явиться перед вами.

– И всё?

– И всё!

– Бог! Если ты есть, то прошу тебя явиться в человеческом обличье! – произнёс громко Джон, подойдя к распятию.

Вдруг свечи в храме колыхнулись пламенем, хотя никакого ветра не ощутилось. Где-то вверху скрипнула тонко и мелодично дверь, из неё вышел странный человек с длинными волосами, терновым венком на голове. Одежда его была настолько несовременна, что непонятно было – это плащ, накидка, или просто кусок цветной материи самым нелепым образом, как показалось Билтону Джону, намотанный на его худое тело. Человек в странных одеждах, в сандалиях на босу ногу, уверенной походкой спускался по лестнице. И вот он встал перед композитором, протянул руку.

– Познакомимся?

– Билтон Джон!

– Бог, – пожал руку мужчина в странных одеждах.

– Слушай, парень! – возмутился Билтон. Он хотел выдернуть руку, но не смог. И дело не в том, что Бог держал его руку крепко. Нет, рукопожатие было совсем не мощным, но рука не разжималась. Его собственная рука!

– Я есть Бог! – настойчиво прозвучал голос.

– И как вы можете это доказать? – испуганно спросил Джон.

– А вот паспорт, – и человек в странных одеждах достал из-под складок своей одежды книжицу с крестом на титуле.

Композитор трясущимися руками раскрыл паспорт, где прочитал «БОГ». Он перелистнул страницу. Родителями были указаны: Отец – «Святой дух», Мать – «Мария». Пот горячими каплями пролился с покрасневшей лысины. Билтон Джон нашарил в кармане жилетки носовой платок, вытер пот со лба, протёр виски.

– Этого не может быть...

– Но это – есть. Вы же сами наблюдаете всё, вы даже прикоснулись ко мне.

– Это всё подстроено, паспорт поддельный.

– Паспорт настоящий, посмотрите на водяные знаки, – Бог развернул паспорт, – посмотрите на свет.

Джон смотрел сквозь страницу паспорта на яркую свечу. Там отчётливо были видны распятие и мать божия с младенцем на руках.

– Такие знаки в настоящее время умельцы могут сделать, да так, что не отличишь.

– Ну, если умельцы, по вашей версии, могут сделать такой водяной рисунок, то почему вы сомневаетесь в том, что такой паспорт могут сделать в небесной канцелярии?

– Я не сомневаюсь, я...

– Вот видите, вы уже не сомневаетесь.

– Ну, и где живёт Бог? – издевательским тоном спросил композитор.

– Вот читайте, – Бог развернул паспорт, – на небесах.

– «На небесах», – прочитал Джон, – вы, что хотите сказать, что сейчас спустились с небес? Я же видел, вы спустились по этой вот скрипучей лестнице.

– А вы прочитайте, что там написано, – Бог указал вверх в конец лестницы, заканчивавшейся резной террасой. Под самым потолком над дверью, из которой и появился человек в странных одеждах, было начертано: «НЕБЕСА».

– Это невероятно, это невозможно, это какая-то мистика!

– Никакой мистики: вы всё видите, ощущаете, вы меня слышите, вы, в конце концов держали мою руку в своей руке.

– Так каждый может сойти с лестницы и представиться кем угодно.

– Ну, если так может каждый, так почему так не может Бог?

– Да, но как я докажу своему... ну, – партнёру и другу, что я видел самого Бога.

– Я знаю вашего члена семьи номер два – Бориса. Так, кажется, вы себя называете: член семьи номер один и номер два. Я видел ваши оргии, я видел всё...

– Что вы видели?

– Всё!

Джон вдруг густо покраснел, чуть не впервые за всю жизнь.

– Да бросьте вы, Джон. Что за смущение? Я давно в вашем доме не живу, там теперь поселились бесы. Так что я в последнее время за вами не наблюдаю.

– А можно сделать с вами селфи?

– Нет, нельзя, но вы унесёте с собой неопровержимое доказательство нашей встречи.

– Какое?

– Господин святой отец, принесите розги. Розги очень хороши в этом деле.

Святой отец подал розги Богу. Бог взял одну, другую, третью. Попробовал каждую на гибкость, взмахнув каждой, как бы имитируя удары. Наконец-то выбрал из многих одну.

– Вот эта, из русской берёзы, хороша. Она хорошо лечит. Сейчас поможет только русская берёза. У меня, видимо, будет много работы, – Бог повернулся ко святому отцу, а тот понимающе подтвердил еле заметным движением головы, – очень многих по всем европам нужно будет лечить. Процесс запущен, не досмотрел я, а тут ещё и искуситель – мой враг, поработал... И лучшее средство избавления от такого недуга – русская берёзовая вичка.

Бог стеганул розгой, со свистом разрезав духмяный от ладана воздух.

– Может, не надо? – спросил жалобно Джон.

– Надо, Джоша, надо... Ложись на лавку и оголи свои срамные ягодицы. Ложись, ложись на животик, – голос Бога зазвучал мягко и даже ласково.

Джон хотел возразить, он хотел сказать что-то вроде того, что так нельзя поступать со свободным человеком, что это есть явное насилие над личностью, он ещё что-то о правах человека хотел произнести, но рот не раскрывался, будто его кто-то держал невидимой ладонью. Джон послушно спустил штанишки и лёг на лавку.

Взвизгнула розга, хлётко прилипнув к оголённому телу. Удары ложились таким образом, что на коже ягодиц нарисовались параллельные линии, но не сплошные, а пунктирами.

Потом Бог пустил розги в перпендикуляр уже нарисованных линий. И случилось так, что на ягодицах нарисовалось множество крестиков. Розги так хорошо прилипали к коже, что местами выступили капли крови. Такой же рисунок человек в странных одеждах нанёс и на спину композитора. Во время этой процедуры Билтон Джон хоть и дёргался после каждого лёгкого удара, но молчал, искусав губы в кровь. Из его уст вырывались лишь глухие стоны.

– Ну, вот, – сказал Бог, – теперь у вас, господин композитор, есть доказательство нашей с вами встречи.

– Да уж... – еле вымолвил композитор.

Он натянул штаны, вышел из храма. У ворот стояла его любимая машина-кабриолет розового цвета, почему-то привязанная шнурком к столбику. Отвязав верёвочку, он влез в кабриолет, но сесть на сидение не смог в силу того, что болезненность в сиделище пока ещё была свежа. «Хорошо, что у меня кабриолет, можно ехать стоя», – подумал вслух Джон. Кабриолет сам завёлся, выехал на центральную дорогу, направившись в сторону дома. Джон хотел повернуть машину в другую сторону, он думал немного проветриться, покочесив по улочкам родного города, но машина не слушалась. Она вела его к дому.

Подошёл дружок Борис и шлёпнул ладонью по ягодицам.

– О-о-о! – вскрикнул Джон, и глаза его открылись. Солнце яркой вспышкой осветило всё вокруг. Джон встал с кровати.

* * *

– Я соскучился по тебе, мой любимый Джончик, – сказал Борис, нежно положив свою ладонь на ягодицы друга – члена семьи номер один, но Джон взвизгнул по-пороссячи, ловко убрав сиделище от неминуемого пошлёпывания.

– Не трогай меня. Пойди прочь, искуситель! – возмутился Джон.

– Молодец, Джон! – услышал композитор уже знакомый голос.

Он повернулся и в проёме двери увидел Бога.

– О, Боже, тыходишь в мой дом?

– Да, я снова поселюсь здесь, – и Бог растворился.

– Ты с кем сейчас разговаривал? – спросил удивлённо Борис.

– С Богом. А ты, Борис свободен. Тебе больше нет места в моём доме.

– Что с тобой, Джон? Ты сам не свой. Ты где пропадал всё это время??

– Я встречался с Богом...

– Бога нет, дружок...

– Оказывается, есть, я с ним встречался. Он явился предо мной в человеческом обличе.

– Откуда ты узнал, что он – Бог?

– Он мне паспорт показал.

– Ты большой оригинал, Джон, ты, кажется, бредил во сне.

– Я не бредил. А ты уже пиво пьёшь? Прямо с утра?

– Да, я принёс пива...

– А куда ходил за пивом?

– Как обычно в наш любимый паб, что в бывшей церкви. А ты говоришь, что встретился с Богом. Там бога уже нет.

– Есть!

Билтон Джон ощутил, что кожа спины и ягодиц просто нестерпно горит.

– Посмотри, что там, – он оголил спину и ягодицы.

– О-о-о-о !

– Это Бог меня так лечил...

– Это Харис тебя плёткой исхлестал вчера по-пьяни. Он же просто изверг в этих своих ролевых играх! А я тебя предупреждал...

– Нет, Борис, – это Бог!

– Бога нет! – свирепо произнёс Борис.

– Есть. Я самолично видел.

– Это тебе приснилось.

– Может и приснилось. Ну, что ж, значит, – сон в руку...

Джон взял гитару, и вдруг струны запели так мелодично, как никогда. Джону показалось, что кто-то свыше, с небес напевает ему мелодию. Ему даже показалось – знакомым голосом.